

О.Э. Петруня

Европа в тисках мирового кризиса: «Кто виноват» и «что делать»

Аннотация. В статье подвергается критике модель технического уклада С. Глазьева, несущая в себе представления о противоречиях, которые привели к кризису. Выстраивается историческая цепочка формирования мировой олигархической финансовой элиты, зародившейся в Великобритании и усиленной Соединенными Штатами. Показана бесперспективность выбранного Европой пути развития, контролируемого финансовыми спекулянтами.

Abstract. The model of technological tenor proposed by S. Glazyev including contradictions which led to the crisis is criticized. Historical chain is being built which formed the world oligarchic elite, which was born in UK and later strengthened by the United States. The deadlock of the way of development chosen by Europe and controlled by financial speculators is shown.

Ключевые слова: пессимистический прогноз, волна экономического кризиса, технологический уклад, системный экономический анализ. Взаимодействие экономических и других факторов, использовать механизм общего дела в частных интересах.

Keywords: pessimistic forecast, wave of economic crisis, technological tenor, system economic analysis, interaction of economic and other factors, to use a mechanism of common cause for private interests.

Кризис: выбор объясняющей модели

Тема мирового кризиса сегодня является самой актуальной. Заголовки газет и новостных сайтов пестрят кризисной тематикой.

Живо обсуждаются вопросы длительности кризиса и перспективы выхода из него. Всю совокупность сообщений на эту тему можно разделить на две группы – оптимистическую и пессимистическую.

Оптимистические тексты сообщают о том, что кризис прошел и наступил экономический рост. Эту позицию можно маркировать как пиар или, если быть точнее, – пропаганда. Ее цель – скрыть истинное положение дел и, что самое главное, его причину. Ответственность за пропаганду, как и за весь кризис, несет мировая финансово-экономическая элита, контролирующая основные механизмы и рычаги глобального управления, и компрадорская буржуазия зависимых от Запада стран. И первые, и вторые не имеют желания менять систему управления современной мировой экономикой и политикой. Последнее обстоятельство делает резонным вопрос об управляемости современного кризиса. Будем считать цель достигнутой, если сможем хотя бы отчасти на него ответить.

Пессимистический прогноз предсказывает очередную волну экономического кризиса и выход из него в далекой перспективе. Однако все те, кто предупреждает нас о «второй волне», не могут быть безоговорочно отнесены в стан желающих разобраться в реальном положении дел. Здесь также можно выделить две группы: 1) риторы, создающие видимость критического разбора ситуации; 2) аналитики, пытающиеся разобраться в причинах кризиса и предлагающие пути выхода из него. Последних можно разбить еще на две группы: а) мыслящие в рамках экономизма (преимущественно негуманитарии); б) опирающиеся на ценностно-мотивационные подходы (преимущественно гуманитарии).

Группа критических риторов фактически выполняет роль «своего (парня) среди чужих», что обеспечивает снижение протестного градуса в среде интеллектуалов. «Свой парень» иногда выглядит вполне типичным борцом среди враждебного окружения, деятельности которого так трудно сопротивляться. Однако на поверку «свой парень» всего лишь изображает борца на фоне «плохих парней», но в жесткой связке с ними. Так, министр финансов РФ Кудрин не раз высказывал мысль о долговременности текущего кризиса, он даже признавал ошибочность курса на поддержание «сильного» рубля. На фоне «плохого парня», главы Центрального банка Игнатьева, делавшего прямо противоположные заявления, это выглядело вполне привлекательно. Однако совместными усилиями оба

(«хороший» и «плохой») продолжали финансовую политику, ведущую к снижению рентабельности производства отечественных товаров и услуг.

Экономизма для анализа кризисных процессов сегодня явно недостаточно. С этих позиций возможно признание кризиса не только долгосрочным, но и структурным, возможна критика текущей экономической политики, однако практически исключен вывод о бесперспективности существования самого капитализма и техногенной цивилизации.

В этой связи интерес представляет позиция известного экономиста С.Ю. Глазьева. Еще в 1998 г. он писал о доминирующем сегодня технологическом укладе как о целостной системе воспроизводства, сложившейся в 50–60-е годы и ставшей «технологической основой экономического роста после структурного кризиса 70-х годов. Ядро этого технологического уклада составляют микроЭлектроника, программное обеспечение, вычислительная техника и технологии переработки информации, производство средств автоматизации, космической и оптико-волоконной связи». Все это сопровождается «соответствующими сдвигами в энергопотреблении (рост потребления природного газа), в транспортных системах (рост авиаперевозок), в производстве конструкционных материалов (рост производства комбинированных материалов с заранее заданными свойствами)» [Глазьев, 1998, с. 76]. Автор полагает, что именно благодаря такому укладу «произошел переход к новым принципам организации производства: непрерывному инновационному процессу, гибкой автоматизации, индивидуализации спроса, организации материально-технического снабжения по принципу «точно вовремя»; новым типам общественного потребления и образа жизни» [Глазьев, 1998]. Такое объяснение напоминает ситуацию, когда лошадь запрягают позади телеги. По Глазьеву получается, что образ жизни (этос) меняется только после очередной волны технических метаморфоз. Однако мы знаем, что в Англии в период первичного накопления капитала именно изменение образа жизни подготовило промышленную революцию. Изменению образа жизни предшествует изменение системы мышления и ценностей. В связи с этим встает второй вопрос: почему, рассуждая о системе хозяйства XX в., Глазьев игнорирует различия капиталистической и социалистической экономик? Видимо, потому, что он не видит ме-

жду ними разницы. Верно, между ними действительно никакой технологической разницы не было, зато была колossalная аксиологическая (ценностная) разница. Это сегодня хорошо знает каждый житель России, рожденный и воспитанный в СССР.

А. Айвазов в недавнем интервью газете «Завтра» повторил вспоминая исторический миф о технологической отсталости России в начале XX в., чем и объяснил поражение в русско-японской войне [Русско-японская...] и последующие революционные потрясения [Айвазов, Профиль, 2010]. К сожалению, незнание истории, а еще хуже нежелание ее знать, и является источником «научного» антиисторизма. Последний, в свою очередь, позволяет выстраивать логически непротиворечивые концептуальные модели любой степени неадекватности. Революция 1917 г., начавшаяся актом лишения позиций своего императора российской «европеизированной» политической и военной верхушкой [Айрапетов] и закончившаяся приходом к власти в России «европеизированных» революционеров, а также Гражданская война привели к цивилизационной катастрофе в России. Выбраться из нее удалось ценой неимоверных усилий (включая жертвы Великой Отечественной войны).

Надо понимать, что как кондратьевская *длинная волна*, так и глазьевский *технологический уклад* (фактически не новое понятие, а новое название того же явления) – характеристика капиталистической (западной) экономики, которая может быть правильно понята только при рассмотрении ее как компонента западной цивилизации в целом. Аналитикам глазьевского круга, надо полагать, застилает глаза *глобальность* современного кризиса, объясняемая не тождественностью понятий «современная экономика» и «капитализм», а глобализацией, как процессом тотальной вестернизации мира. Фактически локальная модель западной экономики, навязанная после падения СССР всему миру, вышеуказанными авторами берется за основу анализа современного состояния и прогноза на будущее.

Глазьев, являясь сторонником сочетания рыночных и административных механизмов управления экономикой, упирает, однако, не на эти механизмы, а на новый технологический уклад, который и должен изменить, как базис надстройку, всю совокупность общественных отношений. Поэтому Сергей Юрьевич и предполагает, что «кризис закончится после коллапса долларовой финансово-

вой пирамиды и других финансовых “пузырей” капиталов формированием нового технологического уклада. Это произойдет (кто позволит, откуда такая уверенность? – О.П.) после структурной перестройки мировой экономики на основе нового технологического уклада, продлится она еще 3–5 лет и будет сопровождаться изменением состава ведущих компаний, стран и управлеченческих практик»[Глазьев, 2009, с. 12].

Полагаем, по аналогии с кондратьевскими волнами, критикуемый нами подход можно назвать теорией «глазьевских цунами». Если руководители европейских стран, как и Айвазов с Глазьевым, не найдут других механизмов социально-экономического развития и вариантов (этосов) хозяйствования, очередная гигантская волна лишит их возможности что-либо обдумывать.

Пора закончить со спекуляциями кондратьевской теорией, пригодной только для анализа отдельных процессов в капиталистической экономике, склонной к перепроизводству товаров и услуг. Собственно ответом кризисной капиталистической экономике и была экономика социализма с ее естественными достоинствами и недостатками. Западная элита в свое время вынужденно отреагировала кейнсианством, однако затем всеобщее признание на Западе получил неолиберализм, ставший основой для выхода из ситуации кризиса в 70–80-е годы («тэтчеризм», «рейганомика»).

Мы исходим из того, что современные кризисные явления охватывают не только экономический сектор культуры, в том числе в силу того, что экономика не является единственной определяющей сферой человеческой деятельности. Именно такой тезис позволяет перейти к третьей позиции, включающей в анализ современного кризиса аксиологические детерминанты. Это нисколько не противоречит необходимости и возможности научного решения локальных экономических проблем (инфляции, падения спроса и т.п.) или системному экономическому анализу. Однако главное, к чему обязывает такой подход исследователя, выявление точек соприкосновения экономических и неэкономических факторов и основных тенденций (growing trend), меняющих структуру экономики. В частности, открывается возможность интерпретировать понятие структурного кризиса вне рамок экономизма.

Именно таким путем идет М.Л. Хазин. Современный экономический кризис он выводит не только из экономических причин,

но и из политических решений, ценностных ориентаций и психологических установок мировой экономической элиты. В статье «Базовые ценности новой финансово-экономической парадигмы» он, в частности, пишет: «Сама система получения доходов от эмиссии крупнейшими банками (неолиберализм. – О.П.) была настолько им симпатична, а роль их в государственной политике была настолько велика (напомним, что традиционно позиции секретаря казначейства, т.е. министра финансов, и главных советников Белого дома в США занимают как раз представители банковского сообщества, не говоря уже о руководстве ФРС), что отказаться от нее не хватило сил» [Хазин, 2008, с. 50].

В своем рассуждении Хазин, безусловно, прав. Кризис, наблюдаемый нами сегодня, видится как рукотворный. Опасностью превращения частного интереса в двигатель мировой истории преступно пренебрегли. Еще древние хорошо понимали разницу между *res publica* и *res privata*. Аристотель в «Политике» точно показал, как использование механизма «общего дела» в частных интересах превращает государство в «частную лавочку» для обслуживания капризов правящей верхушки.

К нашему великому сожалению, «все христианские конфессии (точнее их лидеры. – О.П.) продемонстрировали свою слабость и (по большому счету) преступную толерантность (по сути, предательство своих собственных ценностей. – О.П.) "западному" глобальному проекту, построенному не на примате справедливости (пусть и по-разному понимаемой), а на примате наживы. В условиях экономического кризиса требование справедливости, причем не абстрактной, а эффективной справедливости, станет быстро нарастать...» [Хазин, с. 34–35].

Хазин резюмирует так: «Сегодня действующая мировая финансово-экономическая парадигма находится не просто в состоянии кризиса – она находится на грани краха, предотвратить который невозможно. А значит, необходимо разрабатывать новые парадигмы, причем начинать надо с понимания того, на каких базовых, ценностных основах их необходимо строить» [Хазин, с. 35]. К сожалению, Хазин задает больше вопросов, чем дает на них ответов. Он всего лишь указывает на ценностные детерминанты современного кризиса, но не предлагает какой-либо модели.

Необходима более развернутая альтернатива экономизму – методологическая платформа, включающая систему принципов и подходов, опирающаяся прежде всего на концепцию человека (антропологию), которая содержала бы базовые гуманитарные понятия: мотивация, ценности, культура, деятельность и др. В рамках эмпирических конкретно-научных и междисциплинарных исследований эти понятия могли бы рассматриваться либо как базовые теоретические концепты, либо как переменные, доступные операционализации и измерению с последующей интерпретацией на базе фундаментальных принципов. Значительную пользу в этом может принести ряд уже известных в науке теоретических достижений в области социологии и социальной и политической философии: понимающая социология М. Вебера, социокультурная теория П.А. Сорокина, мир-системный анализ И. Валлерстайна, трактовка глобализации А.С. Панарина и др.

Как известно, Вебер создал альтернативную Марксовой теории капитализма. В основу анализа исследователем было положено понятие социального действия, а не способа производства, как у Маркса и его фактического последователя Глазьева. Социальное действие, по Веберу, имеет мотивационную основу: целерациональную, ценностно-рациональную, традиционную и аффективную. Целерациональность предполагает подстраивание системы ценностей под рациональную логику, ценностно-рациональная – наоборот. Капитализм с его особенной рациональностью (точнее расчетливостью) возникает, по Веберу, из протестантской среды. Трудно сказать, чтобы написал Вебер о современном мировом кризисе, но, возможно, он бы констатировал кризис североевропейской протестантской рациональности или ее ограниченность, которой раньше не замечал.

Ценностно-мотивационный анализ позволяет совместить подход Вебера и теорию Сорокина. Сорокин объясняет цикличность развития не прогрессом, а ценностным регрессом культуры (социума) от идеациональной зрелости к чувственному примитиву, кризис которого с необходимостью требует новой идеациональной системы.

Русский социолог еще в конце 30-х – начале 40-х годов XX в. показал нарастающий социокультурный кризис в западном мире (кризис чувственной культуры). Качественным критерием кризиса

явились девальвация таких ценностей, как истина, справедливость, добро, красота (кризис в системах истины, кризис изящных искусств, кризис системы этики и права). Все это оказывается в итоге кризисом мотивации к фактическим, а не иллюзорным достижениям. В структуре личности типичного представителя такого общества преобладают потребности низшего порядка (ради развлечения, сексуального возбуждения, удовольствия). Социокультурное окружение рассматривается как источник реализации чувственных потребностей. Общество такого типа получило сегодня широко распространенное название – *общество потребления*. Источником благ здесь является труд эксплуатируемых классов.

Если Сорокин позволяет увидеть ценностно-психологические механизмы социокультурных изменений и причины кризиса, то Валлерстайн со своим последовательным холизмом, стремлением анализировать любой из компонентов или элементов социальной системы только с учетом ее целостности позволяет увидеть совместимость таких контрастов современного мирового разделения труда, как развитый центр и отсталая периферия. Говоря другими словами, современный развитый (потребляющий) центр и возможен только благодаря отсталой (производящей) периферии.

Противостояние центра и периферии обнаруживается и в самой системе западного мира. Север и Юг Европы так и не смогли создать единого равноправного экономического пространства. Кризис, обнаруживший нехватку ресурсов, фактически хоронит возможность долгосрочного экономического союза «северных» и «южных» стран Европы в современном виде. Попытка «северных» стран спасти положение созданием Стабфонда, напоминающая больше тушение пожара бензином, лишь продлит агонию современной спекулятивной экономики.

В заключение хотим добавить, что именно отсутствие в концептуальном аппарате представителей экономизма пары понятий «центр-периферия» в качестве базовых приводит к теоретической невосприимчивости сути западного глобального проекта и его современного кризиса.

Таким образом, мы подготовили теоретические основания для ответа на вопросы, поставленные в названии статьи: о современном кризисе и месте Европы в нем.

Кризис европейского универсализма

Очевидно, что ценности, на которых возник и развивался капитализм, сегодня окончательно девальвированы. Если на определенном этапе европейской истории капитализм имел достаточный творческий потенциал, то сегодня этот потенциал безвозвратно растрочен. Весь западный мир, прежде всего старая Европа, в течение последних десятилетий окончательно зашел в социокультурный тупик. Экономический кризис является всего лишь вершиной огромного айсберга. Начнем с констатации и объяснения кризиса европейского универсализма. В сущности, этот аспект кризиса можно описать формулой «от универсализма к унификации».

Источником европейского универсализма явилось христианство, провозгласившее начало нового мира, где «нет ни эллина, ни иудея». Первым выдающимся историческим воплощением этого универсализма была Византия, являвшаяся собственно евро-азиатским государством. Тем не менее в течение нескольких веков она была эталоном цивилизационного развития для многих окружающих народов и культур.

То жизненное пространство, которое сегодня именуется Европой, возникло в круге Византии, но во многом вопреки ему. Можно заметить, что, когда Византия уже блестала своим превосходством перед другими народами, Запад находился на крайне низком уровне социокультурного развития. Одновременно Византия была наследницей предшествовавших ей универсализмов: палестинского религиозного (ветхозаветного), греческого философского и римского политico-правового.

Мысль о том, что западная цивилизация является наследницей античного мира, – широко распространенный антивизантийский миф. Западная цивилизация выросла из католицизма, возникшего как специфическая формально-правовая антивизантийская интерпретация христианства в условиях общей деградации и коллапса античной культуры и варварского окружения.

Лишенные глубины мысли греков, оторванные от традиции египетского и сирийского монашества латинские христиане изначально попали в узкие рамки рассудочного мышления. Крупнейший из ранних западных отцов, фактический основатель латинской схоластической системы мышления Августин Аврелий на много

веков вперед определил коллизии европейского гуманитарного дискурса. Основные споры были завершены только в XIII в., после признания официальной доктрины католической церкви концепции Фомы Аквинского (томизма), попытавшего в рамках отточенной за многие века системы формальной логики дать ответ на основные вопросы церковной и общественной жизни¹.

Современная католическая церковь – не такой мощный, как в прежние времена, но еще достаточно значимый общественный институт, имеющий собственные интересы (в том числе экономические). Католическая церковь олицетворяет старую Европу и, как показал еще Макс Вебер, добуржуазные ценности. Безусловно, католичество переживает собственный кризис, но он не имеет ничего общего с современным кризисом капитализма. В этом смысле католическая церковь – докризисный институт. В отличие от интеграционных механизмов современной секулярной Европы эпохи постмодернизма, демонстрирующих свою слабость, католичество выступает мощным организованным началом, носящим транснациональный характер. То, что пытается сделать западный мир сегодня, католическая церковь уже проходила и извлекла из кризиса периода Реформации целый ряд уроков. Сила современного католичество – опора на периферию (sic!) и использование позитивных социальных технологий. Результат этого – его мощное присутствие и влияние во многих странах мира, прежде всего в бывших испанских и португальских колониях.

О социальных технологиях следует сказать особо. В 1928 г. в Испании католическим религиозным деятелем Хосемарией Эскрива де Балагер была создана католическая организация «Opus Dei», получившая признание римского престола к середине XX в. и на момент смерти ее основателя (в 1975 г.) уже насчитывавшая 60 тыс. человек. Как сообщает нам официальный сайт организации, «ее миссия – распространить весть о том, что работа и повседневная жизнь являются поводом к встрече с Богом, служению людям и оздоровлению общества» [Ищите Бога...]. Организация помогает католикам наполнить свою повседневную жизнь смыслом, привлекает верующих к труду и благотворительной деятельности. Оздорови-

¹ Надо учитывать и то, что описанные события происходили уже на фоне католического Возрождения, особенно заметного в Испании и Италии.

тельная социальная практика «Opus Dei» несет в себе антикризисный потенциал организации и тех стран, где она действует. Можно констатировать, что католичество сегодня в той или иной степени реализует модель, которую Валлерстайн назвал универсальным универсализмом.

Первой альтернативой учения католической церкви стало лютеранство. Особое значение в контексте нашего разговора приобретает лютеровская концепция призыва (ein Beruf) на поприще трудовой деятельности. Лютеранство определило облик немецких государств, немецкую трудовую и служебную этику. Оно способствовало укреплению национальных государств на севере Европы: усилению Швеции, позже объединению и милитаризации Германии. Идейный кризис лютеранства в XIX в. зафиксировал Ницше словами «Бог умер!» [Ницше, с. 729]. Это отчетливо проявилось в росте немецкого национализма, ставшего источником двух мировых войн и предопределившего поражение Германии. Очень точную характеристику этому явлению дал выдающийся русский военный теоретик А.А. Керсновский: «При обожествлении Государства и Нации единственным критерием суждения о степени справедливости данной войны есть степень выгоды ее для Государства и Нации. Если обнаживший меч считает войну единственным способом признания его законных прав, то ничем нельзя заставить его усомниться в справедливости его претензий. Манифест немецких ученых в августе 1914 г. [К цивилизованному миру!] является в этом отношении характернейшим человеческим документом» [Керсновский, с. 33]. Почти двадцатью годами раньше, в 1920 г., в статье «Европа и человечество» Н.С. Трубецкой называл идеологию, отраженную в манифесте, европейским космополитизмом, который, имея узкие этнографические рамки, претендует тем не менее на общечеловеческий масштаб, т.е. универсализм. В сущности же эта позиция, считает Трубецкой, может быть названа общероманогерманским шовинизмом [Трубецкой, с. 59].

В условиях кризиса либерализма лютеранство обладает достаточным позитивным потенциалом и способно дать прогрессивную программу в социальной и экономической сферах [Формозер, с. 273]. Очень важно, что лютеране на немецкой почве способны объединиться с католиками для преодоления социальной катастрофы.

Другой вариант протестантизма был предложен Ж. Кальвином. Кальвинизм довел сoteriологические идеи Блаженного Августина до логического завершения: никакие собственные усилия не могут способствовать спасению человека и помочь ему приобрести блаженство в жизни вечной, только Бог по своему желанию определяет одних людей ко спасению, других – к погибели. Критерий избранничества являются вера (дар Божий) и успех в мирских делах, прежде всего трудовой деятельности. При этом первые кальвинистские протестанты отличались чрезвычайной аскезой. Эта мирская аскеза, по мысли Вебера, и породила специфический дух капитализма (*Der Geist des Kapitalismus*). Тот же дух обеспечивал политические и военные победы протестантов, сопровождавшиеся порой особой жестокостью. Примером последней может служить военная операция О. Кромвеля в Ирландии в 1649 г. против ирландцев-католиков, после которой население острова сократилось наполовину. Самым успешным историческим проектом европейских протестантов-кальвинистов было создание Соединенных Штатов Америки.

Сегодня протестантский дух капитализма в значительной мере утерян. Внешне кризис протестантского сознания обнаруживается как переход от религиозных к *чувственным ценностям* [Сорокин]. «Буржуазный индивидуалист, – пишет А.С. Панарин, – сегодня менее всего готов к аскетическому существованию старого протестанта, отвергнувшего рафинированные блага цивилизации» Надо учитывать и то, что описанные события происходили уже на фоне католического Возрождения, особенно заметного в Испании и Италии [Панарин, 2003, с. 31]. Однако уже в новом, чувственном виде буржуазные ценности навязываются остальному миру в качестве эталона цивилизованности («европейскости»). Это культуртрегерство западного мира (паньевропейского, по Валлерстайну) представляет специфическую форму политики *европейского универсализма* (читай: глобализма) [Валлерстайн, с. 3–4].

Третьей альтернативой католическому проекту стала английская Реформация (Акт о супрематии, 1534). Собственно Англию можно считать родиной современной капиталистической экономики, так же как и причины современного кризиса нужно искать на берегах туманного Альбиона.

Преобразование мира на новых основах, провозглашенное еще лорд-канцлером Англии Ф. Бэконом в «Новой Атлантиде» (1614), предполагало экономическое чудо: истечение богатства полным потоком из «рога изобилия» (Бэкон – родоначальник коммунистической утопии?) – хозяйства, построенного на превращении науки в непосредственную производительную силу. Без такого изобилия никто в Англии добрым быть не собирался. Младший современник Бэкона Гоббс в «Левиафане» (1668) точно описал естественное состояние английского общества – *Bellum omnium contra omnes* (война всех против всех). То, что Гоббс признал для своего времени естественным, Томас Мор за сто лет до Бэкона назвал социальной болезнью. В своей «Утопии» (1516) он критиковал практику «огораживаний» (нашедших оправдание только в протестантизме) и требовал нравственного совершенствования и справедливого социального устройства. Через 19 лет после публикации книги Мор был казнен за исповедание католической веры: он отказался признать английского короля главой (понтификом) Английской церкви (Church of England). Английская корона, соединяющая в себе «и Божье, и кесарево», олицетворяет самую последовательную антикатолическую позицию во всем европейском пространстве. История Британии показывает, сколь значительную роль играла английская корона в становлении капиталистических институтов как в самой Англии, так и за ее пределами, о чем более подробно мы скажем в следующем параграфе.

Сегодня «английское доминирование» выглядит прежде всего как навязывание в форме панъевропейского универсализма «научных истин рынка» и представления «о том, что у правительства других стран нет иной альтернативы, кроме как принять эти рыночные истины и действовать согласно законам неолиберальной экономики» [Валлерстайн, с. 4].

Четвертую альтернативу католицизму представлял проект, который можно называть *гуманизмом*. Особенность идеи гуманизма в том, что она носила надконфессиональный и наднациональный характер. Европейский кризис XVI в., усиление национального фактора в политике и культуре привели к трансформации гуманизма в Просвещение. Просвещение, хотя и претендовало на универсальность, однако уже носило национальный характер: английское, французское, американское, немецкое и т.д.

Английское Просвещение породило идеологию либерализма и в смычке с англиканской Реформацией обслуживало создание Британской колониальной системы.

Французское Просвещение привело к антикатолической и антиабсолютистской Великой французской революции, проходившей под лозунгом «Свобода, равенство, братство!»

Немецкое Просвещение больше внимания уделяло национальному единству Германии, поддерживало диалог между лютеранами и католиками.

Идеи американского Просвещения легли в основу создания Соединенных Штатов Америки.

В целом европейское Просвещение независимо от национальной принадлежности рассматривало вопрос о европейской идентичности и единстве Европы. Просвещение сформировало представление о культурно-цивилизационном превосходстве Европы и ее ведущей роли в экономическом развитии всего мира, в значительной мере определивших мышление XVIII и XIX вв. Сегодня это представление, обслуживаемое теорией столкновения цивилизаций, переформулируется в универсалистский политический лозунг *защиты демократии и прав человека*, под прикрытием которого вмешательство во внутренние дела других стран и народов становится обычным делом [Европа].

В любом случае общеевропейская идентичность всегда проявляется, когда появляется внешняя угроза. Такой угрозой, стимулирующий европейское объединение, часто была Россия. Какой-то мистический страх перед Россией очень точно отметил Н.Я. Данилевский в «России и Европе». Историческим примером такого страха стали события Восточной (Крымской) войны, когда вся Европа объединилась против России. Только невероятными усилиями удалось избежать общеевропейской войны от Баренцева до Черного морей: Австрия, Пруссия и другие государства в любой момент могли начать боевые действия против России. Для этого собственно и была поставлена задача втянуть войска союзников в Крым и, затянув кампанию, измотать основные силы противника. В дальнейшем Европа многократно объединялась против России и при удобном случае делает это до сих пор.

Вопрос о реальном политическом объединении Европы является более сложным и требует не столько кампаний, сколько

последовательных действий. Как известно, в начале XX в. в социал-демократической среде серьезно обсуждался вопрос об объединенной Европе. Идея республиканских Соединенных Штатов Европы теснейшим образом увязывалась с революционным низвержением германской, австрийской и российской монархий [Ленин, с. 351]. Как известно, монархии пали, а лозунг оказался преждевременным.

Актуальность вопроса об объединенной Европе возникла только после поражения Германии во Второй мировой войне. Это объединение стало осуществляться первоначально в рамках европейского экономического сотрудничества. «Создание Европейского объединения угля и стали в 1951 г., Европейского экономического сообщества в 1957, расширение ЕЭС в 1973, 1981 и 1986 гг., Единый Европейский акт 1986 г. – все эти успешно реализованные проекты служили превращению Европы в единый хозяйственный организм... Однако хотя экономическое единство континента и создавало предпосылки к политической интеграции, само по себе оно не формировало ни единой государственности, ни четкой европейской самобытности» [Европа, с. 22].

Первой ступенью политической интеграции Европы стал Маастрихтский договор 1992 г. По мнению Л. Ларуша, этот договор всеми правдами и неправдами с помощью наднациональной элиты был навязан европейским государствам, прежде всего Германии и Италии [Ларуш, 2008, 18 октября]. Таким образом, сама европейская интеграция после Маастрихта превратилась в модель нового мирового порядка, позволившую мировой финансовой элите легитимировать механизмы наднационального управления.

Результаты не заставили себя долго ждать. Мировой экономический кризис обнажил прокрустово ложе Европейского союза.

29 апреля 2010 г., выступая в Берлинском университете имени братьев А. и В. Гумбольдтов, президент Чехии Вацлав Клаус заявил о том, что европейская интеграционная политика потерпела крах [Президент Чехии]. Евросоюз принес европейцам не столько свободы и благосостояния, сколько регламентированности и унификации. Экономической удавкой европейских стран стало евро, политической – Брюссель.

Единая европейская валюта лишила экономики европейских стран возможности избежать тяжелейших последствий экономического кризиса с помощью механизма девальвации национальной

валюты. «Без евро Афины могли бы обесценить национальную валюту и таким образом решить проблему выхода из кризиса, – комментировал Клаус положение в Греции. – Но сейчас это невозможно, – сказал президент. – Поэтому страны зоны евро должны взять на себя ответственность. Теперь Грецию следует финансировать извне» [Президент Чехии].

При этом чешский президент высказался против идеи усиления политических полномочий Брюсселя в целях выравнивания условий жизни в странах ЕС. «Я не хочу иметь родину всех европейцев, организованную сверху», – заявил он. Более того, по словам Клауса, национальным государствам следует вернуть себе часть полномочий и прав, переданных Брюсселю, так как «гражданство не может возникать на континентальном уровне, а только в рамках государств» [Президент Чехии].

Таким образом, Европа, явившаяся на протяжении многих веков источником различных универсалистских идей, сама стала заложницей собственной универсалистской продуктивности. Сегодняшняя европейская универсализация превратилась в тотальную унификацию, которая вредит и самой Европе.

Кризис экономики наживы

Современный кризис начался как кризис плохих долгов, которые на порядки превосходят долги времен Великой депрессии. Возникли они вследствие доминирования в течение 30 лет в структуре западной экономики спекулятивной модели получения прибыли за счет эмиссии. Создание такой модели стало возможным только в условиях, когда нажива превращается в единственную цель экономической деятельности.

Основная система ценностей средневекового мира, как мы уже показывали выше, исключала наживу в качестве главной цели и магистрального вектора социокультурного развития. Британская капиталистическая экономика создала такую систему. Сегодня она построена не просто на стяжательстве, а на откровенном грабеже товаропроизводителей и покупателей целых стран и регионов. Конечно, у такой практики была своя прелюдия.

Предыстория вопроса восходит к экономической деятельности, сложившейся в итальянских средневековых республиках, сре-

ди которых особенно выделялись Венеция, Флоренция, Генуя, Милан и др. Обогатившиеся не только честной торговлей, но и путем ростовщичества, военного разбоя периода Крестовых походов, прежде всего грабежа Константинополя в 1204 г., и другими сомнительными средствами, они возвели наживу в ранг добродетели.

Вот как на эту тему говорит Линдон Ларуш: «Процесс колапса власти Византии в пользу мятежной Венеции приблизительно в 1000 году нашей эры создал империю, которой фактически управляла венецианская олигархия финансистов, владевшая военной властью в качестве инструмента вплоть до краха норманнской власти, произошедшего как следствие финансового кризиса XIV столетия, известного как “Новый темный век”» [Ларуш, 2008, 18 октября]. Ларуш не упоминает, видимо, неизвестную ему антивизантийскую направленность западноевропейской системы, в рамках которой венецианцы были мощной политической и экономической группировкой.

Венецианская модель, в рамках которой финансовая власть пользуется (или срашивается с) государственной властью в целях собственного обогащения, становится в дальнейшем основной формой буржуазного олигархического правления.

Перенесенная на удобренную британскую почву, эта модель в дальнейшем сформировала облик Британской империи. Важнейшими историческими этапами этого процесса стала англиканская церковная Реформация (1534) при Генрихе VIII Тюдоре; создание английской Ост-Индской компании его дочерью Елизаветой I (1600); победа в войне (1587–1604) с католиками в лице Испании; Славная революция (1688) и приход к власти Вильгельма Оранского; создание Банка Англии (1694); Акт о престолонаследии (1701), лишивший возможности вступления на престол католической ветви династии Стюартов.

Подлинным продолжением венецианских традиций было срашивание английской монархии с финансовыми воротилами. Процесс этот начался еще до Славной революции, особенно после создания английской Ост-Индской компании. Создание компании указом Елизаветы I еще не обеспечивало ей успеха, необходимо было доказать прибыльность мероприятия. Весь XVII в. компания руководствовалась лозунгом: «Дешево покупать в Индии и дорого продавать в Европе», при удобном случае ее корабли со-

вершали пиратские нападения на торговые суда. По мере роста успеха компании ее слияние с правительственные кругами усиливалось, на первых порах в основном в виде «подарков» власть имущим.

Настоящая история британской олигархической системы начинается после прихода к власти Вильгельма III Оранского. Как писал в середине XIX в. Маркс, «союз между конституционной монархией и пользующимися монополией денежными магнатами, между Ост-Индской компанией и “славной” революцией 1688 г. был взелен той же самой силой, которая во все времена и во всех странах связывала и объединяла либеральный капитал и либеральные династии, а именно силой коррупции, этой главной движущей силой конституционной монархии...» [Маркс, с. 151].

В 1693 г. в Англии разразился острый бюджетный кризис. Парламент начал расследование обстоятельств, которое показало, что взятки компании власть имущим выросли по сравнению с дореволюционным временем на два порядка. Над компанией нависла угроза, однако не было бы счастья, да несчастье помогло. Те же, кто¹ организовывал ограбление индийских колоний, стали у истоков первого кредитного учреждения – Банка Англии. Маркс пишет: «Влияние, которое Ост-Индская компания точно так же, как и Английский банк, приобрела посредством подкупа правительства, она была вынуждена, как и Английский банк, поддерживать все новыми и новыми подкупами. Каждый раз, когда истекал срок ее монополии, она могла возобновлять свою хартию, лишь предоставляемая правительству новые займы и преподнося ему новые подарки» [Маркс, с. 152].

После Семилетней войны (1756–1763) компания превратилась в крупнейшую военно-политическую структуру. Главная причина – постоянная поддержка правительства Британии. Окончательное подчинение Короне произошло в 1784 г. (Бигль У. Питта-младшего) – это было окончательное подчинение британской олигархической группировке [Маркс, с. 151].

Компания, имевшая собственные вооруженные силы, вела не только торговлю, но и постепенно захватывала индийские терри-

¹ Речь идет об англо-голландских торгово-финансовых кругах, тесно связанных с Оранской (оранжевой) династией.

тории, вытесняя конкурентов и подчиняя местных правителей. Важнейшей статьей дохода компании, а значит и Британской короны, была торговля наркотиками. Компания была готова пойти на любую подлость для достижения своих целей. Например, спра-ведливая борьба китайского правительства против нелегального распространения компанией опиума в стране вызвала негодование наркоторговцев, ответивших военной агрессией, получившей на-звание Опиумной войны¹.

Британская финансовая олигархия, представленная Ост-Индской компанией и Банком Англии, в XVII–XVIII вв. не была еще столь могущественна, как сегодня. Постоянная попытка вмешаться в ее дела периодически инициировалась парламентом. Пытаясь вмешиваться в дела компании, парламент представлял интересы сначала торговой, а затем промышленной буржуазии. Конечно, причиной этого было не чувство справедливости, а скорее желание получить и свою долю от жирного пирога, добытого, как мы убе-дились, далеко не честным путем.

В 1858 г. компания, выполнив свою миссию, была распущена. Все ее функции перешли к Британскому правительству.

После ликвидации Ост-Индской компании главной опорой финансовой олигархии стал Банк Англии. Основой «новой» анг-лийской экономики стали деньги и ценные бумаги. С 1694 г., когда был создан Bank of England, частные финансисты начинают кон-тролировать выпуск денег. Простая эмитация денег и контроль за денежным обращением еще не делают деньги товаром, источни-ком прибыли. Поэтому, получив право выпускать нужное количе-ство денег, центральный банк запускает кредитные механизмы. Кредиты значительно расширили возможности банков, собственно они и делают деньги товаром – кредитор получает ссудный про-цент. Возможности «денежной» торговли возрастают, когда в об-орот вводятся ценные бумаги (специальные долговые расписки – векселя и их аналоги). В начале XVIII в. Банк Англии получил ряд законодательных привилегий, в том числе на выпуск векселей, что сделало его единственным кредитным учреждением в стране. Только к концу века право выпуска векселей получили и другие банки в Англии.

¹ Имеется в виду первая Опиумная война 1840–1842 гг.

Замена монет купюрами после победы над Наполеоном значительно увеличила возможности финансовой олигархии управлять экономической и политической ситуацией не только в Англии, но и за ее пределами.

Богатство, приобретенное британским олигархическим режимом, позволило открыть широкое финансирование не только правительства, но и торговой и промышленной буржуазии через Банк Англии. Конечно, финансируя промышленную буржуазию, банкиры усиливали своего конкурента. Уже в 30-е годы XIX в. промышленная буржуазия в Англии получила избирательные права. Через 40 лет избирательное право получили рабочие, пополнившие ряды мелкой буржуазии (имеющие в собственности дом). Таким образом, индустриализация Англии и выход ее в передовые промышленно развитые страны является побочным явлением обогащения британской финансовой олигархии.

Современное законодательство позволяет банкам выдавать кредиты под долговые обязательства своих клиентов, важнейшим источником кредитования становятся государственные долги. Таким образом, кредитные возможности коммерческих банков значительно увеличиваются, а у центральных банков они почти неограниченные. Более того, в дальнейшем долговые обязательства сами стали не только кредитным инструментом, но и товаром, позволяющим зарабатывать на повышении и понижении его биржевого курса.

В 1913 г. в США была создана Федеральная резервная система – частная структура, выполняющая роль Центрального банка. Авторами идеи ФРС были международные банкиры. Лишенная суворенных финансов экономика Соединенные Штаты Америки была вовлечена в британскую спекулятивную модель получения прибыли. С этого момента начинается история англо-американской финансово-экономической элиты, стоящей у истоков глобализации.

Мы не ставим задачей подробно рассматривать всю экономическую историю XX в., упомянем лишь об известных нам ключевых событиях.

Существует достаточно обоснованное мнение, что механизм Великой депрессии запустили международные банкиры. По крайне мере именно они на ней обогатились, так же как и на двух мировых войнах. Итогом экономических и военно-политических ка-

таклизмов первой половины XX в. стало создание Бреттон-Вудской валютной системы (1944), основанной на сильном долларе. К сожалению, не можем согласиться с Ларушем в вопросе об оценке этой системы. Ее коварство состояло в том, что, пока был сильный, обеспеченный золотом доллар, проблемы могли не возникать, но когда золотое содержание доллара стало падать, начались проблемы, приведшие к государственному дефолту США и отказу от золотого стандарта. Мы полагаем, что ситуация с дефолтом не была случайной, а программировалась финансовой олигархией заранее. Это позволило международным банкирам окончательно перенести британскую спекулятивную модель на всю мировую капиталистическую финансовую систему.

Окончательную точку, превратившую деньги и обязательства в товар, стало создание Ямайской валютной системы (1978), отвязавшей денежную массу от золота и превратившую последнее в обычновенный товар, а не меру стоимости. С тех пор ценные бумаги и деньги стали самым прибыльным товаром, окончательно изменив представление о рентабельности экономической деятельности. Теперь рентабельность измерялась по критериям *капитализации и ликвидности*, ставшими фактически инструментами экономического передела мира. Организаторы «нового великого передела» зарабатывают на спекуляциях цennыми бумагами, скупают ценные активы, разоряют конкурентов и пр. Главное, что они как создатели системы всегда оказываются в выигрыше.

В сложившейся ситуации рентабельность реального производства неуклонно падает. Производящим компаниям, прежде всего европейским, приходится идти на различные ухищрения: широко использовать офшорные зоны, переводить производство в страны с низкой налоговой нагрузкой, платить огромные взятки чиновникам и рейтинговым агентствам, привлекать дешевую рабочую силу иммигрантов из слаборазвитых стран.

Последнее обстоятельство сыграло с Европой злую шутку: дешевая рабочая сила вылилась в дорогую социальную проблему, требующую политических решений. На фоне собственного демографического кризиса Европа переживает огромный приток иммигрантов, прежде всего из азиатских стран, приезжающих на зарплаты, но не теряющих собственной культурной идентичности и даже враждебно относящихся к европейской культуре. В Германии,

самой промышленно развитой стране ЕС, существуют поселения иммигрантов, в которых уже небезопасно появляться европейцу.

«В последние годы одновременно и довольно резко правеет общественное мнение в Западной Европе, укрепляются позиции правых в Германии, Бельгии, Франции, Дании и других государствах. Коренное население начинает осознавать опасность, которую породил многолетний бесконтрольный импорт рабочих рук из стран Третьего мира, из государств иной культуры, языка и религии, и пытается исправить допущенные ошибки. Однако, возможно, поезд уже ушел. Или неудержимо уходит. Ведь огромное число иммигрантов за последние два-три десятилетия стали полноправными гражданами европейских государств, имеющих все положенные по закону права. Они живут, работают, рожают детей, но при этом учат их так, как им нравится, и на языках, не слыханных ранее на европейских просторах» [Добровольский, с. 2]. Ситуация усугубляется тем, что кризис значительно сужает возможности для маневра в производственном секторе экономики. Чтобы снизить издержки, они будут вынуждены либо снижать заработную плату, либо увольнять сотрудников. Все это чревато социальным взрывом, а также в новой демографической ситуации межэтническими конфликтами.

Спекулятивная экономика создала еще один феномен – невиданный уровень потребления так называемого среднего класса. Это обеспечивалось доступностью относительно дешевого кредита и большими социальными гарантиями, на которые в свое время пошел западный мир в условиях соперничества с социалистической системой. США потребляют, по разным оценкам, от 25 до 40% производимых ежегодно в мире товаров и услуг, а производят тех же товаров и услуг не более 15–20%. В Европе такой видимый разрыв отсутствует: производится около 24%, потребляется чуть больше 25%. Однако надо помнить, что Европа, как экономически развитый регион, импортирует в основном сырье, а экспортирует высокотехнологичные продукты. Цены на такие продукты обычно значительно выше, а на информационные продукты и технологии цены просто завышены. Таким образом, проблема существенного разрыва между потреблением и производством существует для всего западного мира.

Сегодня возможности кредитовать как потребителей, так и производителей у финансового сектора больше нет. Это приводит не только к тому, что резко падает спрос, а за ним и производство, но и становится невозможным вернуть уже существующие долги. Причем эти, как мы их называем, «плохие» долги представляют собой многоуровневую пирамиду взаимопроникающих обязательств. Если первая волна кризиса обнажила долги домохозяйств и корпораций, то вторая волна с необходимостью будет кризисом государственных долгов.

Примером может служить современная Греция, которая оказалась не в состоянии справиться с нарастающим дефицитом бюджета. Не имея возможности девальвировать валюту, греческое правительство, по рекомендациям Европейского центробанка, собирается пойти на меры жесточайшей экономии. Оно предполагает отменить премии для служащих госсектора, отменить ежегодные отпускные выплаты для высокооплачиваемых категорий и ограничить для прочих, полностью отказаться от увеличения зарплат и пенсий в госсекторе по меньшей мере на три года, увеличить НДС с 21 до 23%, повысить акцизы на топливо, алкоголь и табак на 10%, увеличить налоговое бремя для незаконного строительства. Эти меры вполне логичны в рамках модели Евросоюза, который для поддержания стабильности евро пытается создать Стабилизационный фонд, основную часть которого будут составлять государственные обязательства по долгам. Нехватку средств вновь пытаются компенсировать эмиссией ценных бумаг. Воистину, если бухгалтеры управляют миром, дети останутся без молока.

Оглашение правительственные мер вызвало бурный протест в Греции. В мае 2010 г. в стране прошла всеобщая забастовка, парализовавшая жизнь страны и приведшая к беспорядкам в столице. В июне протестные настроения остаются высокими. Правда, средства массовой информации не уделяют этому, как мы полагаем намеренно, сколько-нибудь значительного внимания. Видимо, по мере нарастания второй кризисной волны ситуация в Греции и других европейских странах будет обостряться.

При анализе современного кризиса необходимо учитывать и другое важное обстоятельство: существующее разделение труда. «Количество технологически независимых государств в мире последние два века все время сокращалось. В Европе еще в середине

XIX в. речь шла о десятке реально независимых (т.е. имеющих возможность самостоятельно развивать полный спектр технологического, а том числе и военного производства) государств, к началу XX в. их осталось от силы пять (Российская империя, Германская, Австро-Венгрия, Франция и Великобритания), в середине XX века уже не только в Европе, но во всем мире было только два реально независимых государства – СССР и США» [Хазин, 2008, с. 34–35].

На сегодняшний день реально экономически независимым государством является Китай, способный не только самостоятельно производить, но и потреблять произведенную продукцию. По итогам 2009 г. Китай обогнал Германию по объему экспорта. И в целом его экономические показатели, несмотря на кризис, выше, чем у промышленного лидера Европы [Швейц].

Само по себе разделение труда, специализация на производстве определенных товаров и услуг – явление позитивное, однако разделение труда в рамках спекулятивной экономики носит патологический отпечаток: например, развитый центр и отсталая периферия (Валлерстайн). «Зловещая тенденция, связанная с уходом мирового капитала из производящей в спекулятивно-ростовщическую и экспроприаторскую экономику “валютных игр”, неминуемо ведет к расширению планетарной бедности» [Панарин, 2002, с. 162].

Именно желанием закрепить такое неравенство в рамках мировой экономики объясняется концепция постиндустриального общества. Постиндустриальная экономика была объявлена чуть ли не высшей фазой развития цивилизации, которого с необходимостью достигают только продвинутые в экономическом отношении страны. На самом деле происходит то, что А.С. Панарин назвал «повальным промышленным дезертирством рабочей силы» [Панарин, 2002, с. 100–101].

В целом можно говорить о дезертирстве от ответственности, от тяжелого производящего труда, от творчества, от самой человечности. Это и есть подлинное Марксово отчуждение человека от самого себя. «Нынешний “либеральный” тип питает равное отвращение и к природе, в которой он усматривает источник темных мистических пережитков и теогоний, и к общественной “коллективистской” кооперации, в которой он видит посягательство на свои индивидуалистические прерогативы. Поэтому он сегодня так ак-

тивно пополняет среду “информационной экономики” особого типа – связанной не с производством, а с манипуляцией денежными знаками...» [Панарин, 2002, с. 106–107]. Поэтому современной европейской «цивилизации грозит вырождение и даже гибель в результате иссякания социокультурной базы производящей экономики, лишенной притока по-настоящему живых людей...» [Панарин, 2002, с. 106–107].

Резюме

Итак, современный кризис поставил под сомнение саму возможность дальнейшего существования европейской цивилизации. Европа сыграла в создании этого кризиса одну из ведущих ролей. Соблазн наживы и легкой жизни оказался сильнее не только нравственного чувства, но даже здравого смысла. В свое время развал Советского Союза отсрочил гибель спекулятивного капитализма, значительно расширив возможности для трансляции плохих долгов на территорию бывшего социалистического лагеря. Однако сегодня кризис остановить уже нельзя.

Если считать, что проблемы в экономиках стран Евросоюза связаны со специфической экономической политикой и закономерностями спекулятивной экономики, то понятно, что решить проблемы, пользуясь старыми схемами, не получится.

Для их преодоления необходимо возвратиться к традиционным ценностям нравственного долга и производящего труда. У Европы такие модели существуют: католичество в союзе с лютеранством способно вывести стагнирующее общество из тупика.

Однако реальность такова, что, поскольку изменение экономической политики предполагает отказ от старой системы управления и контроля, постольку выхода из кризиса нормальным образом не будет. Экономическая ситуация в Европе, как и во всем мире, такова, что реальные рычаги управления находятся у «бухгалтеров-спекулянтов», а они вряд ли захотят отказаться от своих нынешних привилегий и возможностей.

Итог для Европы может быть самым неожиданным. Однако основные процессы, как нам представляется, будут происходить между Сциллой реинтеграции и Харибдой политической диктату-

ры Брюсселя. Какая из тенденций победит, покажет историческое развитие Европы.

Литература

Айвазов А. «Глубокий нокаут» // Завтра. – 2010. – 1 июня № 22. – Режим доступа: <http://zavtra.ru/cgi//veil//data/zavtra/10/863/index.html>

Айвазов А. Либеральные сказки и кондратьевские волны // Профиль. – 2010. – № 22. – С. 38-34. – Режим доступа: <http://www.profile.ru/items/?item=27306>

Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и на революцию, (1907-1917). – М., 2003. – 253 с.

Валлерстайн И. Европейский универсализм: Риторика власти // Прогнозис. – 2008. – № 2(14). – С. 3-4. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/Prognosis/Prognosis_2_2008/1.pdf

Глазьев С.Ю. Геноцид. – М.: Терра, 1998. – 320 с. – Режим доступа: http://www.patriotica.ru/books/glazev_gen/topic3.html

Глазьев С.Ю. Кризис будет углубляться // Русский дом. – 2009. – № 3. – С. 12-13. – Режим доступа: <http://www.russdom.ru/node/1375>

Добровольский А. Почему триумф правых в Голландии был предопределен // km.ru – 13 июня 2010. – С. 2. – Режим доступа: http://news.km.ru/pochemu_triumf_pravyx_v_gollandi

Европа: Проблемы интеграции и развития: Монография: В 2-х т. – Нижний Новгород: ФМО/ИСИ ННГУЮ: Изд-во АГПИ им. А.П. Гайдара, 2008.- Т. 1. История объединения Европы и теория европейской интеграции. Ч. 1 / Коллектив авторов под общей редакцией академика О.А. Колобова. – 351 с. – Режим доступа: http://www.unn.ru/rus/fmo/Archive/books/monografi/Evropa_problemi_integracii_i_razvitiyu/tom_1.2.pdf

Ищите Бога в повседневной жизни // Opus Dei. – Режим доступа: <http://www.opusdei.ru/>

К цивилизованному миру! / Манифест от 4 октября 1914 г. – Режим доступа: <http://www.budyon.org/articles193/htm>

Керсновский А. А. Философия войны. – М.: Изд-во Московской Патриархии, 2010. – 208 с.

Ларуш Л. Мировая валютно-финансовая система вошла в катастрофическую фазу своего развала // «Полярная звезда»: Интернет-журнал – 1 октября 2008. – Режим доступа: <http://www.zvezda.ru/geo/2008/10/01/larouche.htm>

Ларуш Л. Новое средневековье уже рядом: Брутальный «британский» империализм в наши дни // Executive Intelligence Review: Интернет-

журнал. – Русская страница. – 18 октября 2008. – Режим доступа: http://www.larouchepub.com/russian/lar/2008/a9032_brutish_2.html#fn1

Ленин В.И. О лозунге Соединенных Штатов Европы // Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1969. – Т. 26. – С. 351–357. – Режим доступа: <http://www.marxists.org/russkij/lenin/1915/08/10a.htm>

Маркс К. Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности // Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. – М.: Политиздат, 1957. – Т. 9. – С. 151–160. – Режим доступа: <http://lugovoy-k.narod.ru/marx/09/25.htm>

Ницше Ф. Веселая наука // Ницше Ф. Утренняя заря. Предварительные работы и дополнения к «Утренней заре». – Переоценка всего ценного. Веселая наука / Пер. с нем. – Минск: Харвест, 2003. – 729 с. – Режим доступа: http://www.nietzsche.ru/books/book8_6.shtml.htm

Панарин А.С. Постмодернизм и глобализация: Проект освобождения собственников от социальных и национальных обязательств // Вопросы философии. – М., 2003. – № 3. – С. 16–36. – Режим доступа: <http://www.filgrad.ru/texts/panarin/panarin53.htm>

Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М.: Алгоритм, 2002. – 494 с. – Режим доступа: <http://www.filgrad.ru/texts/panarin/panarin59.htm>

Президент Чехии: Европейская интеграция потерпела крах // Взгляд. – Деловая газета. – 29 апреля 2010 г. – Режим доступа: <http://vz.ru/news/2010/4/29/397843.html>

Рормозер Г. Кризис либерализма / Пер. с нем. – М.: ИФ РАН, 1996. – 298 с. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/iphras/library/rormoz.html>

Русско-японская война, 1904–1905. Взгляд через столетие: Международный исторический сборник / Под редакцией О.Р. Айрапетова. – М.: Три квадрата, 2004. – 656 с.

Сорокин П.А. Кризис нашего времени // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. Пер. с англ. – М., 1992. – 543 с.

Трубецкой Н.С. Европа и человечество // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М.: Прогресс, 1995. – С. 59.

Швец Д. Кризис помог Китаю выбиться в лидеры по экспорту // Российская газета. – 11 января 2010 г. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/01/11/kitay-site-anons.html>

Хазин М.Л. Базовые ценности новой финансово-экономической парадигмы // Вопросы новой экономики. – 2008. – № 2. – С. 34–35. – Режим доступа: <http://nfuka.vsei.ru/download/n02-08.pdf>

Хазин М.Л. Теория кризиса: Доклад, прочитанный на конференции в г. Модена (Италия) 9 июля 2008 г. // Профиль. – 2008. – № 33. – С. 46–53. – Режим доступа: <http://worldcrisis.ru/crisis/473153>